

творения мне одинаково нравятся, но одно, коротенькое, хочется привести полностью: «Дитя, не плачь, / не надо, / смотри, / какой закат, / вот гроздь / винограда / вбирают аромат / далекого светила, / грядущего в моря, / вот пуля / просвистела – / меня убила. / Зря». Неожиданная концовка этой почти идиллической картин-ки выдает знание о трагической подоплеке времени и жизни.

Второй поэт – Елена Гассий. Почти все стихи в этой подборке говорят о времени. Времени ей было отпущено мало. «В тридцатый раз встречаю первый снег / И первый раз не рада, нет, не рада». Драматическое ощущение окружающего мира. «Каменный забор. Каменные лица». И – неожиданная, все озаряющая строчка: «Тонут облака в омуте свободы». Додумываешь: свобода – омут, в который можно броситься вниз головой! Но главное в ее стихах – обаятельная, в плен берущая интонация. «Отражаются в рельсах / Светофор и Луна. / Остановка троллейбуса / Перенесена». Простите, не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько строк: «Валунов огромных гладкость, / Ярких водорослей зыбкость, / И жары осенней краткость, / И мальков коротких гибкость, / Вечер, берег, кружка чая, / влажность крыльев белых чаек – / Ничего не означает, / Ничего не означает». Нет, именно то и означает, что перед нами поэт. Настоящий. И чем-то напоминающий молодого Юрия Михайлика. Захваченный миром врасплох. Поэт – не о смерти. «О жизни, о жизни, и только о ней».

Илья Рейдерман

Возвращение в Вольный город

Круг – геометрическое место точек плоскости, равноудаленных от заданной точки – центра круга. Круг – графический символ цельности, который служит для усиления концентрации и защитных целей. Круг – обозначение Солнца и совершенства...

Наверняка именно стремление к центру, цельности и совершенству объединило три десятилетия назад поэтов-одесситов под руководством Юрия Михайлика в литературный клуб – «Круг». Стремление к южному звонкому свободному солнцу, которое, как тридцать лет на-

зад, так и сейчас, частенько застыт облака – неурядиц, неудач, не прожитых, как хотелось бы, (или вообще недожитых) лет...

Этот «Круг» не удалось разорвать ни времени, ни пространству, ни смерти, и вот перед нами сборник стихотворений одесских поэтов – «Глаголы настоящего времени». Имена в нем не нуждаются в отдельных представлениях, достаточно лишь их перечислить: Рита Бальмина, Валерий Бодылев, Белла Верникова, Александр Веролобов, Елена Гассий, Анатолий Гланц, Феликс Гойхман, Владимир Дризо, Ольга Ильницкая, Владислав Китик, Инна Коваленко, Сусанна Ланс (Гойхман), Павел Лукаш, Татьяна Мартынова (Херсонская), Петр Межурицкий, Анна Ройтбурд, Анна Сон, Анна Стреминская, Валерий Сухарев, Олег Томашевский, Евгений Ушан, Марк Эпштейн, Алексей Юдин, Валерий Юхимов, Ефим Ярошевский.

У каждого из них за плечами – тяжелый опыт переломного времени, свои личные и одна общая потеря – Родины (как к этому ни относиться), СССР. И стихи – старые, новые – все...

Несмотря на то, что последнее собрание литературного клуба «Круг» состоялось два десятка лет назад, о нем с тоской и благодарностью вспоминают в Одессе. Он стал еще одной доброй легендой, которой время идет только на пользу. Этим вновь и вновь подтверждается уникальность и органичность «Круга» в одесской литературной жизни.

«Вольный город» – первый сборник поэтов, объединенных границами «Круга», увидевший свет в 1991 году, достать сегодня можно с превеликим трудом. Поэтому новая книга поэтов «Круга» – неожиданная и долгожданная одновременно, очень нужна Одессе. И не только в качестве примера, как можно писать стихи. Она учит нас, молодых, хранить традиции, помнить наставников, беречь законы поэтического братства – как ни высокопарно это прозвучит...

«Глаголы настоящего времени» – это необходимость общей встречи, невозможной по целому ряду непреодолимых обстоятельств. Это возврат, но уже на новом витке, к определенной точке отсчета. К тому, без чего жизнь, безусловно, продолжается, но что так хочется вернуть – хотя бы просто прочитав стихи друзей.

Я листаю эту книгу, как альбом с фотографиями. Вот лица людей, которых я знаю, с которыми могу поговорить вживую. А вот – знакомые мне только по стихам, голоса их я не слышала никогда.

И среди них голос, который больше не услышать никому, – голос Елены Гассий:

У моря небо синее,
И волнореза линия,
У моря небо синее,
Как у большого пса.
У моря зубы в мидиях,
В цвет винограда «Лидия»,
И со времен Овидия
Зеленые глаза.
И нет его стариннее,
Виновнее, невиннее,
И нет гостеприимнее
Во времена беды.
У моря небо синее,
И волнореза линия,
Как горизонта линия,
Как линия судьбы.

О временах беды – очень много в этом сборнике сказано. Они увидены были разными глазами, с разных – не только одесской – широт: из Нью-Йорка, Москвы, Рамле, Саарбрюккена, Иерусалима. Из Скита Преподобного Сергия Радонежского Данилова монастыря в Рязанской области... Чтобы говорить искренне и верно о временах беды, нужно уметь быть «огнем, мерцающим в сосуде», нужно каждый день спасать этот мир – прежде всего в себе. Нужно верить в головокружительную бесконечность трансцендентного числа (в нашем случае π – Поэзии), без которого невозможно вычислить площадь круга. Не бояться говорить – себе, о себе, для себя – чтобы слышали другие. Чтобы настоящее время, которого, как утверждают сегодня ученые, не существует, осталось – стоять навсегда. Как в стихотворении Александра Веролоубова «Оборона Одессы»:

Только море и берег. Только берег и море, и небо.
Ты здесь был, когда надо, а я, когда надо, здесь не был.

Вот вода и песок. Все кругом – и волна, и частица.
Всем надежда в свой срок исповедаться и освятиться.
Только небо и море. Только небо и море, и берег.
Ничему нет залога на свете. Все основано только на вере.

Небо и море сопутствуют почти каждому поэту из Одессы. Две бескрайности, в которые невозможно не впасть, постояв на черноморском берегу (а поэты могут по нему бродить часами). Не потому, что писать больше не о чем. А потому, что «синий, синий, синий цвет» – это имприматура, цветная тонировка поверхности белого грунта листа бумаги. Отплывающий от берега всегда волен чувствовать себя Одиссеем, уповающим лишь на благосклонность богов и стихий. Да и Вольный город как-то плохо мыслится без терминатора-горизонта, отделяющего глущину от высоты, соединяющего их на рейде...

Архетип «города-на-море» предполагает тягу к движению, к путешествию. Каждый из авторов совершает его постоянно, и не только в «настоящем времени». Переосмысление прошлого – от точки «ноль» и далее до неограниченных воображением пределов – одна из тематических составляющих сборника. Недаром и у Валерия Бодылева, и у Марка Эпштейна (разных, казалось бы, не соприкасающихся друг с другом авторов) возникает образ «таинственной Фуле», «Ultima Thule» – мистического царства, «Несравненной страны», отождествляемой с Островами Блаженства, которые (по Генону) человек утратил, но к которым он снова и снова возвращается в своих легендах и фольклоре. Возвращаются в своих стихах к ним и авторы сборника. У каждого из них свой потерянный рай, и поэтому «Глаголы настоящего времени» – это книга, исполненная грусти, но грусти со знаком плюс, перламутровой, светлой... В обретении ли счастье, или все-таки в поиске? «Где счастливый Язон?» – спрашивает Инна Коваленко:

Где счастливый Язон? Может быть, золотого руна
нет ни здесь и ни там, и лазурные дали лишь снятся?
Створки дня приоткрой – на волну набегают волна,
и белесые бабочки в воздухе теплом толпятся.

Вопрос о счастье – неразрешенный, неразрешимый вопрос... В «Глаголах настоящего времени» много вопросов, которые авторы задают себе, прошлому, да и будущему тоже. Планета вертится, очерчивает круг – и планетарный, и литературный, наш, одесский, такой дорогой для двадцати пяти человек, собравших свои стихи под одной обложкой, связавших два времени, два века. Одесса остается для них маяком, они везде ее находят, вспоминают, видят там, где, казалось бы, и не пахнет приморской вольницей, неторопливым причерноморским размахом, – как Ольга Ильницкая в стихотворении «Послушай, Москва»:

Послушай, Москва, в твоём зимнем затворе,
в колючей поземке – одесское море
и пряность бульваров, акаций озноб,
Соборная площадь, ракушечный грот.
Зевки пароходных прощальных гудков
и оторопь чаек от рыбных лотков
на Новом базаре, на старом Привозе.
Столица – я вся – поцелуй на морозе!

Когда я дочитала сборник до конца, мне представилось, как было интересно, незабываемо, незаменяемо – ходить, входить в одесский «Круг». Но кроме стихотворных сборников, мне кажется, нужен еще один – прозаический – о том времени, о той атмосфере, о тех разговорах, обсуждениях, встречах, которые происходили в уютном подвальчике Объединения молодежных клубов на улице Пушкинской. Потому что, прочитав стихи авторов, хочется узнать о них самих. Тем более, они все прочнее входят в историю нашего города, в его легенду. Напишет об этом кто-нибудь один, или о «Круге» все-таки нельзя – моно? Может быть, как в «Глаголах настоящего времени», как в предшествовавшем им «Вольном городе», это будет еще одним примером полифонии голосов, их разноименным одновременным звучанием, развитием и взаимодействием? Когда-то все они собрались для себя. Теперь их творчество, их опыт стали достоянием литературной Одессы.

«Глаголы настоящего времени» – это серьезная книга, нужная книга. Тираж ее по нынешним меркам совсем невелик, и скоро

она, как и «Вольный город», станет редкой. А мне хотелось бы, чтобы эта книга стояла на полках книжных магазинов, чтобы люди, которым нужен свежий глоток искусства, заходили в эти магазины с вопросом: «Глаголы настоящего времени» есть?». Чтобы наши поэты, где бы они ни жили, какими бы обстоятельствами не были отъединены от родной земли, от любимого «Круга», не «растворились и исчезли во вселенной тревожной», как когда-то написала о себе Анна Стреминская. Чтобы мы знали их, читали, запоминали, выписывали их стихи в заветные тетрадки. Чтобы настоящее, что бы там ученые ни говорили, продолжалось...

Евгения Красноярова

Издано в Одессе

Слеза несбывшихся надежд...

Ростислав Александров
Хождение внутри книги
Одесса, Optimum, 2013

В жизни моего поколения наступали и «времена больших ожиданий», и наступавшие за ними годы, а то и десятилетия, когда, как в знаменитой песне в исполнении Марка Бернеса, «слеза катилась, слеза несбывшихся надежд»...

Одним из таких «времен больших ожиданий» была хрущевская «оттепель». Мы зачитывались вновь изданным Бабелем, романами Ильфа и Пет-